

ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ

ПАДЕНИЕ

АННА ГРЭМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Грэм

Падение 2. Иллюзия свободы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684939

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07919-9

Аннотация

Сделка сорвалась и последствия оказались фатальны – Эйса Ривера вынуждена спастись на территории США. Чтобы выжить, ей придётся сдать федералам Оливера Данэма – подручного «крестного отца» всего американского наркобизнеса. Человека, который однажды спас её. Братья-близнецы Хантер пытаются выжить в насквозь прогнившей системе. Они идут к этому разными путями: один идёт работать в полицию, а второй становится лидером банды. К чему приведет связь брата-копа с дочерью члена мексиканского наркокартеля? Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Иллюзия свободы	4
2. Волк в овечьей шкуре	21
3. Логово	39
4. По законам стаи	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

1. Иллюзия свободы

Эйса высаживается из такси далеко за пределами курортной зоны и сразу же попадает под дождь. Утонув по щиколотку в тёплой луже, она промачивает дизайнерские шлёпанцы, грязно ругается по-испански и поднимает воротник короткой джинсовки, чтобы навязчивые капли не попали за шиворот. Она ненавидела дождь. С недавних пор он стал вызывать у неё сонливость и головную боль.

От Данэма не было вестей, и не то чтобы её это беспокоило. Воспоминания о том, что он сделал и чего не сделал, порой донимали её по ночам, вынуждая тянуть из пачки две сигареты и наливать в любую ближайшую ёмкость двойную порцию чего-нибудь крепкого. А наутро запивать всё это «Эвианом» с горстью успокоительных, укрепляющих стенки сосудов и разжижающих кровь лекарств, потому что всё-таки посетила врача – просьбы таких людей, как Данэм, чисто подсознательно обсуждению не подлежали. Несмотря на иллюзию свободы, Эйса чувствовала себя зависимой и от него, и от Человека.

«Аневризма артерии головного мозга. Вам необходимо оперативное вмешательство, мисс Ривера».

Первые недели ей везде мерещилась слезка. Она изменила причёску, забила метку картеля скорпионом (*вы ведь родились в ноябре? У каждого скорпиона должен быть свой*

личный скорпион!) наняла охрану, купила квартиру, напичканную системами безопасности, а после поняла, что такими темпами деньги закончатся очень быстро. Средства, которые она получила от продажи машины Данэма, она давно растратила, а сумма на кредитке, которую ей дал Человек, подходила к лимиту. Ривера аппетиты умеривать не желала – в её мозгу тикала часовая бомба и не для того она прошла через всё это дерьмо, чтобы ныкаться по вонючим клоповникам и жрать китайскую лапшу – потому решила вернуться к своему старому ремеслу. Риск попасться и риск не проснуться утром были друг другу равнозначны, Эйса не загадывала далеко вперёд.

Ривера скользнула под навес антикварного магазинчика и дважды хлопнула по звонку, вызывая хозяина. Владелец лавочки промышлял скупкой краденого и принимал заказы на «неоднозначные приобретения» от проверенных лиц. К таким приобретениям относились драгоценности, предметы искусства и информация. Оплачивалась такая работа куда выше, чем краденые часы и портмоне, однако и подводных камней в ней было не в пример больше, и времени на исполнение таких заказов уходила уйма. Эйса почти две недели корячилась в немислимых позах, подвешенная под потолком с кляпом во рту, удовлетворяя одного бизнесмена, чтобы улучшить момент и стащить из сейфа флэшку в угоду его конкуренту. Тогда Ривера тысячу раз пожалела, что ввязалась во всё это, но пятьдесят пять кусков наличными за чисто вы-

полненный заказ немного сгладили неприятные воспоминания. Теперь же Эйса осторожничала.

Хозяин кивком головы зовёт её на склад, где хранится всякое старьё для отвода глаз – от ржавых, не имеющих никакой ценности монет до гнутых кованых стульев и неработающих патефонов времен сороковых. Эйса вываливает на стол простое обручальное кольцо, серийный «Верту» и платиновые «Джагер Лекультр».

– На них сейчас чипы ставят, – хозяин с опаской тычет пальцем в часы и криво посматривает на телефон.

– Не первый год в деле, Карл. Вынула всё. – Ривера устало плюхается на соседнее кресло, подняв с него облако серой пыли, и кладёт ноги на стол.

С каждым из этих предметов была связана своя маленькая история: кольцо было вынуто возле ювелирки из кармана какого-то простачка в дешёвых джинсах и футболке ноунейм – наверняка бедолага потратил сбережения, чтобы сделать своей девушке предложение. С «Верту» Эйса ходила на свидание, но сбежала с него прямо из туалета ресторана – хозяин телефона недвусмысленно намекал, что любит свинг-вечеринки. С «Джагерами» Эйса неплохо провела время, прикинувшись дорогой шлюхой – у мужчины были вполне традиционные предпочтения, да и восемь сотен наличными стали незначительным, но приятным дополнением к часам за тридцать пять тысяч. Но ей нужно было больше. Конечно, ложиться под толпу извращенцев она не собиралась, однако,

наручники и дилдо пугали её чуть меньше, чем риск остаться без цента в кармане.

– Есть один человек. Хочет лично переговорить, – склонившись над столом, чтобы пересчитать для Риверы аванс, произносит скупщик. – Только не нравится он мне, Кармен-сита.

– Почему же?

– Он сказал, что от Кречмана, а его два дня назад взяли с поличным.

– Чего хочет? – Эйсу этот факт напрягает. В её деле рассчитывать на совпадения, по крайней мере, неумно, но любопытство и желание хорошо заработать медленно, но верно берут верх.

– Говорит, всё при личной встрече. Сотню вперёд, ещё столько же после.

Эйса присвистывает, скидывает ноги со стола и вся подаётся вперёд, словно перед ней помачали красной тряпкой. У неё впереди взнос за квартиру, и новая коллекция от «Версаче» очень даже ничего, Эйсе ведь надо соответствовать, чёрт возьми – в «Макдоналдсе» парня с часами за тридцать пять штук не встретишь.

– Вот и я про то же. Он точно не из наших, не знаю его.

– Давай. Я разберусь, – Эйса машет рукой на его предупреждения и встаёт из-за стола. Рассиживаться некогда, да и незачем.

– Если что, я не при делах, ты уговор знаешь.

Если вдруг дело окажется подставой. У Карла есть все лицензии, есть мохнатая рука в полиции, краденого он больше часа в лавке не держит, но он не Господь Бог и прикрывать других не подвязывался, а в случае чего, сдаст с потрохами – Эйса знает это хорошо и потому тщательно взвешивает риски.

– Само собой, – она берёт листочек с номером телефона. Двести тысяч – цифра просто невероятная, особенно в её положении. Они бы решили многие её проблемы.

Ривера набирает номер из автомата, тормознув у «Старбакса», долго прислушивается к глубокому, приятному «Алло», прикидывая тактику разговора – отчаянный флирт или деловой, серьёзный тон. Клиента надо пощупать с первой секунды взаимодействия. Нужно держать на пределе все пять чувств, а к шестому прислушиваться особо внимательно. Это ровно, как шагать по лезвию, когда любой неудачный взмах руки может стать фатальным.

– Это Кармен, – она представляется именем, прописанном у неё в новом паспорте.

– Мы можем встретиться через час в «Маэстро Гардель»? – собеседник лихо перехватывает инициативу, не меняя мягкого, доброжелательного тона. Место неплохое, в центре, опасаться вроде бы, нечего, но какое-то мутное ощущение беспокойства не даёт ей решительно ответить «да».

– Через полчаса, – оценив время в пути, торопливо говорит Эйса, чтобы хотя бы в чём-то оставить последнее слово

за собой. – Если никого не будет, уйду. У меня мало времени.

– Не беспокойтесь, – человек на том конце провода мягко, примирительно улыбается, Эйса слышит это, но на неё такие вещи не действуют, скорее наоборот. – Столик на имя Джонатана Смита.

Ривера кладёт трубку и ловит такси. Расположившись на заднем сиденье, открывает косметичку, вынимает пудреницу, видит блистеры с таблетками и вспоминает, что пора бы принять. Она закидывает в себя горсть, не запивая – закажет потом в ресторане лёгкого вина, чтобы горечь перебить.

Складывается ощущение, что лекарства делают её какой-то заторможенной – Эйса смотрит в зеркальце на свои мутные глаза и тщательно пудрит тёмные круги, которые к середине дня проступают отчётливее. Она никак не решится на операцию – страшно представить, что после неё какое-то время не сможет даже встать с постели, а уж если что-то пойдёт не так, то превратится в овощ. Эйса не могла позволить себе быть беспомощной ни минуты – лучше смерть, чем вечная зависимость, чем плен и мучения, пока боль не унесёт остатки разума, подарив блаженное безразличие. Эйса боялась мести картеля, боялась, что правда настигнет её в самый неподходящий момент, когда она совершенно не будет готова. Тогда она малодушно вспоминала о Данэме и о том, что только с ним, о ужас! чувствовала себя в относительной безопасности.

Она входит в ресторан и размашистым, торопливым шагом идёт за метрдотелем. Он приводит её к тихому столику на краю зала, продвигает ей стул, и на витиеватое название дорогого «Шато...», небрежно брошенное ей в пространство перед собой, отвечает «Да, мэм».

Худощавый блондин с лицом, похожим на морду гончей или борзой – Эйса бросает оценивающий взгляд на сидящего напротив. Он ей не нравится. Работать с ним она не будет, и пусть из-за упущенных двухсот тысяч сосёт под ложечкой. Гораздо больше её беспокоит вариант, при котором её хватают за руку после организованной подставы. Ривера успела наследить в Майами, да и при таком близком взаимодействии со своими жертвами всегда есть риск, что кто-то из них сложит два и два, как бы хорошо Эйса ни заметала следы.

– Я слышал, вы превосходный специалист в своём деле, – заказчик улыбается ей, пока она складывает в уме эту нехитрую головоломку. – Можете достать, что угодно.

Он ждёт, что Ривера поддержит беседу, но она упрямо молчит. Он дилетант. Слишком издалека заходит, слишком смущается её прямого, испытующего взгляда, в который она вкладывает посыл «Я знаю, кто ты такой, насквозь тебя вижу», использует при разговоре дикие киношные клише, которым в реальности нет места. Это невербальное общение между ними красноречивее слов, и Эйса начинает прикидывать варианты, как бы слинять с минимумом последствий

для себя.

– Точнее украсть, – добавляет «Джонатан Смит». Фальшивая улыбка тает на нём и лицо его вмиг приобретает черты легавого. Эйса не видит перед собой ничего, кроме горящего зелёным огнём слова «Выход», проклиная за алчность себя, дождь – за некстати поднявшийся шум в ушах и таблетки за подавление её всегда острого нюха на вот такие вот дерьмовые ситуации.

– Вы меня с кем-то путаете, – Ривера встаёт из-за стола и замечает, как из-за столика впереди встаёт тяжеленная бабища и отрицательно качает головой, перекрывая ей путь своим мощным телом.

– Мисс Ривера, точнее, как у вас там, сеньорита, будьте добры, сядьте. Есть разговор.

Во рту скверно горчит от лекарств, проглоченное вино кислит, виски начинают зверски ныть, словно в них прокручивают свёрла, Эйса оглядывается назад в поисках выхода на кухню, но слышит шорох металла о столешницу – «Смит» красноречиво кладёт перед собой своего неполного тезку – «Смит энд Вессон». Всплеск адреналина в крови не даёт соображать, кажется, сейчас вот-вот случится передоз – Эйса усилием воли заставляет себя не дёргаться, потому что оружие к нему ближе, чем к ней, а чёртова рестлерша идёт прямо сюда, держа руку под полами рубашки, там где у неё, вероятнее всего, кобура, и не сводит с неё глаз.

– Джон Беккет, Управление по борьбе с наркотиками, а

это агент Лара Кинг, – представляется легавый, оглядывая её сверху вниз с нескрываемым превосходством в глазах. – Да вы сядьте, допейте своё вино.

Эйса подчиняется. Она цедит алкоголь из высокого бокала, нарочито растягивая время. Ривера смотрит на них, они смотрят на неё – сраные легавые, которые в своём сегодняшнем отчёте сделают хвастливую приписочку, что взяли информатора. Только вот Эйса не представляла, чем может им помочь и что такого важного сказать, чтобы если не выкрутиться, то хотя бы ослабить хватку. Для картеля она ничто, пшик, рядовой солдат, а насчёт всего остального – тюрьма ей светит, а не разговоры разговаривать.

– Сеньорита Ривера, я думаю, для вас не станет новостью, что вам предъявляют обвинения. Участие в организованной преступной деятельности по обороту наркотиков, кража, подделка документов, нелегальное пребывание на территории США, убийство... – Беккет сделал паузу, наверняка чтобы просканировать её реакцию и дать ей сложить в уме количество лет, которые ей дадут за такой набор. Эйса остаётся абсолютно бесстрашной, для неё это не новости. – И это ещё не самое страшное. Вместо комфортабельной тюрьмы здесь вам грозит экстрадиция на родину – это как уж суд решит, потому что вы хорошо поработали по обеим сторонам границы – а там, насколько я понимаю расклад, вы до суда просто не доживёте. Однако, вы можете многого избежать.

– Чего вы хотите? – оставив бокал, спрашивает Эйса.

– Хочу, чтобы вы отправились в Лос-Анжелес.

Слишком близко к границе. Она не поехала бы туда по своей воле никогда в жизни. Там сейчас беспокойно и риск нарваться на тех, кто знает её в лицо, слишком велик. Ей выгоднее оставаться мёртвой как можно дольше, но, похоже, ответа «нет» от неё не ждут.

– Для чего?

– Чтобы достать Человека.

Эйса на секунду замирает, забывает выдохнуть, её пальцы, скользящие по ножке бокала вверх-вниз, останавливаются на полпути. Она смотрит на Беккета и понимает, что он это серьёзно. Он думает, что Ривера знает больше, чем есть на самом деле, но он чертовски ошибается.

– Я не понимаю, о ком вы.

Их единственную встречу и за встречу-то считать нельзя. Человек подарил ей всего пятнадцать минут аудиенции, прежде чем вручить новую жизнь с новым именем плюсом к полной зависимости от желаний Данэма, и это явно не то, на что агенты рассчитывают. Даже если бы она знала больше, неужели раскрыла бы рот? Американская тюрьма не спасёт её ни от Человека, ни от Франко, а программа защиты свидетелей, если о, боже! она каким-то образом попадёт в неё – полное дерьмо, которое не гарантирует абсолютно ничего. Она вдруг ощутила странную, щемящую необходимость в присутствии чёртового Оливера, который бы вытащил её за шкуру из всего этого кошмара, и плевать, что он затре-

бует после, потому что Эйса начинает сомневаться в себе. Сейчас он кажется ей меньшим из зол – она чувствует, что выйти сухой из воды в этот раз не получится.

Агент Беккет протягивает ей распечатанный снимок.

– Маркус Холт, бывший генерал армии США, а ныне просто Человек, который обеспечивает весь наркотрафик, проходящий через мексиканскую границу. Именно он, насколько нам известно, организовал вам возможность пребывания на территории США и спасение от мести картеля Франко.

Эйса смотрит на плоское изображение, в бесцветные, полупрозрачные глаза, в которых почти нет жизни – даже бумага передаёт это отчётливо – вспоминая о том, как он смотрел на неё. Как на товар, определяя её ценность и качество. Как на вещь, которую передал в безвозмездное пользование своему верному псу, который, в свою очередь, решил поиграть в благородство. Эйса снова становилась разменной монетой, но теперь в этом акте купли-продажи появилась ещё одна сторона. Паршиво. Очень паршиво.

– Видите ли, после смерти главы картеля Обрегона произошла смена расстановки сил. Запад трясёт, как никогда, и это отличная возможность схватить его за руку и перекрыть этот поток навсегда.

Эйса лишь мельком слышала о том, что происходит на Западном побережье. Картель Обрегона разбился надвое. «Синко де Майя» и «Эсперанса», главы которых, те ещё кон-

ченные мудаки, до абсурда сводили друг с другом старые счёты, сея вокруг себя хаос и мешая работать остальным. Франко в том числе. Эта трехсторонняя война подняла уровень преступности в Неваде, Калифорнии и Аризоне до предельного уровня – об этом без усталости сообщали утренние выпуски новостей.

– Навсегда ли? – усмехается Ривера. Наивность и вера в светлое будущее у этого Беккета зашкаливает, однако, пока будет спрос, будет и предложение. А спрос не иссякнет, пока живо человечество. – Рыба гниёт с головы, разберитесь сначала у себя наверху.

– Поверьте мне, когда мы возьмём Человека, мы распутаем весь этот клубок.

– Я не знаю, как найти его, – и в этом Ривера не врёт. Она откладывает в сторону фото и смотрит на Беккета в упор, ожидая его дальнейшего шага.

– Я вам подскажу, – самодовольно хмыкает он, откидываясь на спинку стула. – Оливер Данэм, – Беккет скользит взглядом от её подбородка до линии декольте. Он оценивает её привлекательность, ставя себя на место Данэма, раздумывая, а мог бы он сам, как и Данэм, захотеть эту сочную мексиканку или, может быть, даже всерьёз ей увлечься. Он прикидывает, сошёлся ли его расчёт, ведь Беккет однозначно отвечает себе «да» на все эти вопросы, а вот что бы ответил Данэм? – Интересно, как много он готов сделать для вас?

От звука этого имени у Эйсы приливает к голове кровь.

Имени, которого она буквально минуту назад мысленно му-солила на языке, будто горькое лекарство. Беккет, словно вынул его у неё изо рта, словно прочёл её мысли, и Эйс не сумела сохранить лицо.

Она вспоминала о нём. Вспоминала о том, что было между ними. О том, сколько раз спасал её жизнь и сколько раз пытался отнять.

«У меня был приказ. Мне очень жаль».

Но воспоминания – это одно, а перспектива увидеть его снова, снова вступить с ним в контакт пугает её не меньше тюрьмы или смерти, особенно при таких обстоятельствах. Она уверена, Данэм убьёт её сразу, как только узнает, что она пошла против его хозяина, и не важно добровольно или вынужденно.

– Гораздо меньше, чем вы думаете, – она прокашлялась, потому что голос осип и подвёл её.

– Убедите его приехать в ЭлЭй. И мы посмотрим, что можем сделать для вас.

– Я не смогу...

– Вас смущает факт предательства? – спрашивает Беккет, железно уверенный в том, что знает всю подоплёку их отношений, и что помимо всего прочего между ними цветёт и пахнет эмоциональная привязанность. Гораздо больше Эйс ломает не от факта предательства, а от того, что она не сумеет его обхитрить, даже если примет условия игры. От того, что ей снова придётся увидеть его, несмотря на то, что она

от отчаяния почти допустила эту мысль. – Вы хорошо знаете Данэма? – Она ни черта его не знает, но что это меняет? – Я дам вам возможность узнать.

Беккет суёт ей в руки копию личного дела с грифом «Секретно». Информация в нём оказалась гораздо плотнее и гуще, чем та, которую добыл для них Джо в ту их роковую вылазку, окончившуюся гибелью всего их звена.

– Оливер Данэм состоял в Военно-морской особой группе быстрого развёртывания, одном из элитнейших секретных подразделений ВМС США. Вы знаете, парни там порой злые, как черти – что поделывать, такая работа. Оливер Данэм во время одной из зачисток вырезал целую деревню. И Человек, будучи действующим генералом, отмазал его от трибунала. Он сослался на его психическую нестабильность. Я в это не верю, а вы?

Чушь собачья. Не может хладнокровный механик быть психопатом. Мудаком может, но не психом. Эйса провела с ним рядом несколько суток и поняла, что это не так, хотя поначалу думала совсем иначе.

– С тех пор Данэму путь обратно на военную службу был заказан. Он сейчас числится начальником службы безопасности одного отеля в Вегасе, но на деле работает на преступный синдикат под руководством Холта, – подытоживает агент Беккет.

Он берёт паузу, позволяя Эйсе уложить информацию в голове. Ривера бросает взгляд на его молчаливую напарницу.

Похоже, Лара Кинг здесь в качестве живой силы с бронебойными кулачищами. Вязать, проводить задержания – вот её профиль, на её простецком лице не видно зачатков интеллекта, но всё равно что-то не даёт Ривере покоя. Что-то есть у неё за душой, Эйса такие вещи определяет чётко.

– Четверо детей от восьми до пятнадцати лет. Семь женщин. Он должен сидеть в тюрьме, сеньорита Ривера, как минимум за это, – добивает свою речь Беккет и делает торжествующее лицо.

Эйса лишь кривит линию густо крашенных в бордо губ, оставаясь беспристрастной. Он думает, что удивил её. Этот вылощенный блондин с идеальными зубами никогда не жил в Синалоа. Не знал, что головорезам картеля плевать, кто перед ним – подросток, женщина или старик, что убийство – это чистая механика, равно тому, как его предполагаемая бабуля режет кур у себя на ферме. Тех, кто давно продал душу, не напугать законами морали. У них своя мораль. Тем, кто родился в стае и жил по волчьим законам, мораль не нужна. Они, словно паразиты или вирусы, хотят одного – жить и размножаться, заменяя последнее жадной потрахать и навариться. Это природа дикарей, не знавших цивилизации, а община Синалоа и есть то самое племя дикарей, которое её воспитало. Её всё это не трогало. Но её заинтересовало. То, что произошло на той зачистке, не было работой хладнокровного профи, Данэм, что называется, «психанул», и ей хотелось знать, почему.

– Не много ли секретной информации для одной мексиканской уголовницы? – вкрадчиво интересуется Эйса, сощуривая глаза, подаваясь грудью вперёд, не боясь откровенно демонстрировать свои прелести, чтобы сбить собеседника с толку. Этот приём всегда работает, независимо от того, в паре её жертва или в одиночестве. Однако, Беккет не теряет профессионализма, несмотря на то, что ему это льстит.

– Думаю, нет. Кому вы расскажете? Своим соседкам по камере?

– Он ничего не скажет, даже если вы запытаете его до смерти.

В этом Эйса уверена более чем. Всё, что она поняла про Оливера Данэма – это то, что всегда исполняет приказы. И то, что он верен своему хозяину. А то, в чём причина этой собачьей верности – в том, что Человек спас его от тюрьмы или в чём-то ещё, гораздо более серьёзном – это уже другой вопрос.

– Не он наша главная цель. Но если обложить Данэма со всех сторон, то он выведет нас на неё.

Эйса делает глубокий вдох. Беккет даёт ей иллюзию выбора, которого на самом деле у неё нет. В отличие от неуловимого Данэма, её обложили плотно и придавили сверху, чтобы точно не выползла.

– Я всё поняла.

Сейчас её единственным шансом остаться на свободе было сказать «да». А после она найдёт выход. Обязательно най-

дѣт.

2. Волк в овечьей шкуре

Солнце палит нещадно. Отражаясь от жестяных крыш, зверски режет глаза, лезет за воротник формы, кусает солёную от пота шею. Кайл снимает тёмные очки, бросает их на приборку и трёт переносицу, устало бодая затылком подголовник. Когда ты в патруле, а не на вольных хлебах, выбирать не приходится – заступаешь в любую погоду, если сегодня с шести до восемнадцати твоя смена.

Днём этот район кажется почти нормальным. Из разъявленных настёж окон приземистых хибар не грохочет музыка, по улицам не шляются обдолбыши, проститутки отсыпаются, законопослушные граждане потеют в офисах, на складах, за прилавками облезлых магазинчиков, раскиданных вдоль дороги. Оживает район ближе к закату. Местные вылезают из своих домов, словно вурдалаки из могил, чтобы вкусить американской свободы, ради которой они лезли через границу в пыльных мешках из-под кукурузы, рискуя задохнуться в них насмерть. Свободы на грани вседозволенности. Кайл родился здесь, вырос – наблюдая за междоусобными войнами мексиканской диаспоры, мелких чёрных и белых банд – и продолжает жить здесь, как привязанный, потому что иначе уже никак.

– Слушай, Кайл, заканчивай с этой ёбаной привычкой, а? – Мигель Эрнандес, напарник, нетерпеливо стучит ему

в окно. Кайл толкает наружу дверь, впуская в салон удушающий запах сухого асфальта, затхлого сигаретного амбре и несвежей формы.

Этот тошный, скользкий мексиканец ещё пару месяцев назад не воспринимал его всерьёз и иначе, как «Эй ты, салага» не называл до тех пор, пока они не попали в первую переделку. Кайл тогда уложил на лопатки буйного, вооружённого ножом сомалийца крупнее себя в два раза, не сделав ни единого выстрела, за которые потом они оба умаялись бы писать отчёты. Улица, не в пример сержантам-инструкторам Академии, учит многому, особенно когда ты с двенадцати лет ходишь стенка на стенку.

– Какой из? – равнодушно интересуется он, наблюдая, как бегут стрелки наручных часов. Он знает, что сегодня недалеко от границы латиноамериканских кварталов начнётся грызня. Брат сообщил ему об этом ещё вчера и ещё вчера он настаивал, чтобы Кайл взял выходной и не совался туда, чтобы случайно не подставиться. Но он не собирался его слушать.

– Двери намертво закрывать. Поссать отойти нельзя.

– Я поступаю согласно протоколу.

Реагировать на вспышки хабалистого латиноса, доставшего ему в напарники, которые, собственно, ничего и не имели под собой, кроме лютого желания потрындеть, Кайлу было попросту лень, как лень было бы отмахиваться от брехливой псины за соседским забором. Да и жара доканывала,

и мозги плыли. Кайл усмехнулся, подумав о брате – тот лез на рожон за каждый косой взгляд. В этом они – близнецы – чертовски отличались друг от друга.

– Пиздец, ты правильный, Хантер, – беззлобно отмахивается Эрнандес, гулко захлопывая за собой дверь.

Со временем эта правильность стала какой-то маниакальной: от идеально отглаженных фирменных штанов до четкого выполнения самых мелких предписаний, на которые обычно клали хер – он словно хотел откреститься от того, кем был раньше. Рассказывать, какой он на самом деле неправильный, Кайл не собирался.

Хантер ничего не отвечает ему. Включив поворотник, он выезжает на пустующую дорогу. Тишину взрезает лишь шорох шин по асфальту – рация подозрительно долго молчит. Уже почти два часа они просто патрулируют улицы в штатном режиме, что здесь скорее редкое исключение, чем правило. Всё вокруг словно затаилось в предчувствии скорой беды.

– Слушай, я всё стесняюсь спросить. Нахер ты эти воючие кварталы патрулируешь? – напарнику явно скучно, потому что с таким упоением лезть кому-то под шкуру можно лишь тогда, когда нечем занять башку. Латинос ерзает на заднице, ковыряется в зубах и одновременно пытается заглянуть Кайлу в лицо, возится, как чёртов навозный жук. – Ты же отличник. Сдал бы экзамен в SWAT и как сыр в масле катался.

Начальник патруля Фрэнк – участливый, искренне неравнодушный к своим парням мужик – наверное, единственный такой на весь отдел, в самый первый день задал ему тот же вопрос.

«Слушай, Кайл, обычно парни из гетто хотят оттуда выбраться, а ты рвёшься назад. Почему?»

Тогда он ответил ему честно. Кайл хотел навести порядок на своей земле, в своём доме. Он хотел сделать это будучи на стороне закона. Тогда он ещё верил в это. Тогда он сделал выбор и не ждал, что этот выбор придётся кому-то по душе. Сейчас же он молчит как рыба об лёд, потому что всё слишком смахивает на то, что он сильно переоценил себя.

В элитные подразделения путь ему закрыт. Отбор туда такой, что спросят каждую собаку. Там достаточно ничем не подкреплённых слухов о том, кто твой брат, кем был ты и кем была твоя мать, даже несмотря на то, что никто из них никогда не привлекался. В патруле же вечный недобор. В районе, где он вырос особенно. Он не собирался распространяться о том, что его брат – тот самый Хантер, лидер группировки, держащей под собой треть Южного Централы, и что он сам не так давно активно в ней действовал. Не для того он решил начать жизнь сначала. Но он не думал, что в итоге станет барахтающейся в проруби субстанцией, которая не знает, к какому берегу прибиться, потому что любой самый отбитый головорез был честнее и принципиальнее любого копа из его отдела.

«Теперь ты святоша, братуха, а я кто? Кто? Грязь под ногами, ёбтвою мать?»

Брат не сдерживал себя, когда Кайл объявил ему, что поступил в Академию.

«Думаешь, там лучшие?! Ты забыл, да?! Там сраные волчары, которым на всё похуй!»

Он не забыл. Главную причину, по которой Кайл встал на этот путь, он никогда не забудет. Изуродованное лицо когда-то красивой женщины под серо-жёлтой, ветхой простыней, сухой отчёт детектива о характере повреждений, о количестве насильников, о методах и способах воздействия, которые перенесла в ту ночь их мать, прежде чем, наконец-то, отмучиться.

«Ваша мать была проституткой, вы знали об этом?»

Им тогда было пятнадцать, и оба они хотели набить детективу рожу. Тогда Кайл держал за руку взбесившегося брата, потому что «уберите нахрен отсюда этих щенков, раскидайте по приютам, чтобы никогда друг друга не нашли». Дело закрыли, убийц искать не стали, никому не было дела до женщины, которая пыталась прокормить себя и двоих детей, как умела. Тогда его брат потерял веру в правосудие, а Кайл решил, что найдёт справедливость, во что бы то ни стало. Позже Коул смирился и даже нашёл выгоду в том, чтобы иметь своего человека в рядах легавых, но Кайл понял, что ошибся.

Почти у каждого была своя цена. У Эрнандеса тоже. Кайл научился молчать, ведь если дашь знать, что ты копаешь,

автоматически позволишь копать под себя, а ему это было не нужно – всё-таки наличие значка имеет свои преимущества. Компромиссы, шаткое равновесие, где на одной чаше весов твоё дерьмовое прошлое, а на другой – гнилое настоящее твоего напарника. И не только его. Процент за прикрытие наркотраффика получали, как минимум, трое копов его отдела. Как минимум двое крышевали питейные заведения от произвола мелких уличных банд и психов-одиночек. Всё, как раньше, только со значками, табельным оружием и правом на убийство.

– Пересечение Четвёртой улицы и Харкнесс-стрит. Перестрелка, – в рации шипит голос диспетчера.

– Принято.

Виски привычно начинают ныть, а где-то под рёбрами туго закручивается адреналиновая воронка – так было всегда, когда он шёл на дело, ничего не изменилось и теперь. Кайл кладёт переговорное устройство на базу, включает сирену и давит на газ. Где-то там сейчас его брат.

– Боже, да почему нельзя ссать ровно?!

Кали пытается думать об отвлеченном, стоя на коленках с тряпкой в мужском сортире. С тех пор как она просрочила выплату, «Лас Кобрас» подняли процент. Приходилось экономить на персонале.

«Голова отдельно, руки-ноги отдельно». Кали мысленно крутит эту фразу на повторе, стараясь лишний раз не откры-

вать рот, чтобы не глотнуть ядовитых испарений мочевины. Под потолком без толку молотит старый вентилятор, выдавший, наверное, ещё войну Севера и Юга, но это не помогает ничуть. Ещё эта проклятая жара. Наладить кондиционирование и прочистить приточные системы нет ни денег, ни времени.

Эту святую истину про ноги-руки проповедует Раиса – русская эмигрантка – и её девочки, расположившие на территории бара Кали свой «небольшой бизнес по оказанию интимных услуг», как любит говорить эта деловая до мозга костей сутенёрша. Раиса платит ей аренду исправно – проблем с клиентами у неё нет, а Кали с недавних пор не гнушается любого дополнительного дохода. Однажды все её принципы отошли на задний план перед элементарным желанием не сдохнуть.

Обычно Раиса берёт себе опытных дам с устойчивой психикой или нимфоманок, готовых залезть на любой сук даже бесплатно, но иной раз очередную новенькую охватывал такой экзистенциальный срыв, что будь здоров, и тогда это «голова отдельно, руки-ноги отдельно» заставляло юных гетер всплывать из бездны отчаяния. Кали этот способ усвоила.

Самовнушение работало, когда она натягивала повыше резиновые перчатки, чтобы отмыть с пола блевотину или вычистить с дивана ошмётки сохшейся спермы. Оно работало, когда Кали выгружала из пикапа тяжеленные ящики с пойлом или надевала каблуки и узкие, как колготки, джин-

сы, чтобы заменить барменшу, которую «наугощали» до порсячьего визга. Оно работало, когда от перетаскивания до ближайшей канавы вусмерть пьяных посетителей у неё одновременно болели низ живота, спина и ноги, когда бессонница, которая донимала Кали после сильного переутомления, забирала у неё драгоценные часы отдыха. Оно подводило её лишь тогда, когда Диего Гарсия, глава «Лас Кобрас», приходил лично забирать у неё «дань».

«Твой папаша велел передать, чтобы на его похоронах крутили Нэнси Синатру».

Он приходил лично всякий раз, когда Кали где-то, по его мнению, накосячила. Он приходил, чтобы передать ей привет от отца и напомнить, что его жизнь в тюрьме зависит от того, как хорошо она себя ведёт. Он уходил, а его сопровождающие – те ещё отбитые ублюдки – ещё долго тусовались в вип-зоне, закидывались выпивкой и пользовали девочек Раисы, не собираясь платить ни за то, ни за другое.

Её отец, Эмилио Рейес, широко известный в узких кругах карточный игрок, прежде чем отправиться в тюрьму, оставил дочери внушительное наследство. Двести пятьдесят тысяч долга перед самим Франко – главой мексиканского наркокартеля, контролирующего печально знаменитый «Золотой путь» и несколько южных штатов по ту сторону Залива. Кали понятия не имела, где отец мог пересечься с фигурой такого уровня, но предполагала, что в Вегасе. Отец часто ездил туда «на заработки». Помимо долга Эмилио оставил ей

старый бар, в котором раньше был самый крупный игорный дом в городе, пока его не накрыл внезапный рейд. В Калифорнии, в отличие от Невады, игорный бизнес под запретом. Разрешение у Рейеса было только на продажу алкоголя, за всё остальное ему дали пятнадцать лет. Интересы Франко на этой земле представлял Гарсия и его «Лас Кобрас». Кали познакомилась с ними в тот самый день, когда упекли отца, и в тот же самый день она услышала главный девиз наркобарона – «Франко не прощает долги».

Согнувшись в три погибели, Кали лезет с тряпкой под писсуар и замечает протечку в проржавевшей трубе.

– Твою мать! – замотать хоть скотчем, хоть тряпкой, хоть соплями. Смена начнётся через два часа, у нее не будет времени бегать подтирать здесь лужи.

За шумом набирающейся в сливной бачок воды, Рейес не слышит выстрелов на улице. Когда клапан с тихим щелчком встаёт на место, перекрывая собой поступление воды, она слышит лишь шум и возню в зале, звук шагов и грохот опрокинутого барного стула. Кали по привычке тянет руку назад, за пояс штанов и понимает, что пистолет, с которым не расставалась ни днём, ни ночью, оставила у кассы. Кали чувствует, как пустой желудок липнет к стенкам напряжённого живота, как грудная клетка трепещет, гоняя туда-сюда глоток сортирной вони, чувствует, как к горлу подкатывает острый ком страха.

Поразительная беспечность – остаться в замкнутом про-

странстве без оружия, ведь в этом районе даже запертая на замок дверь и табличка «закрыто» не спасёт от вторжения. Это всё усталость. Блядская усталость, которая притупляет внимание, иссушает мозги, делает неповоротливой душой. Пора бы уже привыкнуть пахать без выходных, обрести иммунитет от переутомления и прекратить страдать и сетовать на судьбу. Всё равно в ближайшие приблизительно десять лет, пока она отдаёт долги, ничего не изменится, несмотря на то, о чём отец просил её.

«Брось всё и беги. Рано или поздно меня здесь порежут. Нечего тянуть».

Кали не была уверена, что сумеет скрыться – у неё не было опыта в подобных делах, она не знала, кому можно доверять, а кому нет. Рейес надеялась, что сумеет помочь отцу выжить в тюрьме и сумеет выжить сама.

Кали медленно встаёт на ноги и прислушивается, делает несколько шагов к выходу из тесной коробки туалета. Дверь приоткрыта, и мелькнувшая за ней тень материализуется прямо перед ней в виде загорелой волосатой руки, сомкнувшейся на её шее.

– Слушай сюда, сучка. Скажешь копам, что не видела ни хуя, поняла? Пиздуй наверх.

Из передавленного горла не выходит ни звука, Кали только и может, что нервно кивать головой в знак согласия. Она его не знает, но, судя по всему, этому латиносу, весьма крупному в отличие от его земляков, копы плотно сели на хвост.

На дрожащих ногах она идёт мимо заплеванных зеркал уборной и недомытых раковин, ощущая спиной чужое свистящее дыхание. Чёрт, если бы его не прижали легавые, ей точно было бы несдобровать, тем более она без оружия. Непроходимая дура.

Краем глаза Рейес видит, как он скрывается в подсобку, спотыкаясь о швабры; видит в отражении стеклянной, чудом ещё не перебитой двери своё испуганное отражение. Кого она такая сможет обмануть? Да у неё на лице написано, что её чуть не придушили в собственном сортире.

«Блеф – это своего рода искусство, малыши. Ты должна делать вид, что у тебя все в порядке, хотя на деле ты в полном дерьме».

Сделав глубокий вдох, Кали будто надевает на себя доспехи. Задрать нос, сделать морду кирпичом, деловито тереть барную стойку и плевать, что руки дрожат. Кое-где ещё слышатся хлопки одиночных выстрелов, но это не будет продолжаться вечно. Скоро вечер, сюда набредет толпа, начнёт обсуждать, кто на кого нарвался, а завтра всё начнётся по новой, и никто ни о чём не вспомнит.

Коул хорошо замечает следы, но Кайл неусыпно следит, чтобы он точно ушёл. Он направляет напарника по ложному следу, давая брату максимум форы. Приказ прорвать условную границу и двинуть «Лас Кобрас» дальше к югу, за территорию складов пришёл с самого верха, и брату даже предо-

ставили ещё людей, судя по всему, неплохо обученных наёмников. Задача была проста – навести кипиш, пугнуть, подвинуть так, чтобы говно всплыло до самого верха. В общем, работать и лишнего в голову не брать. Видимо, сверху менялась расстановка сил и им, рядовым «солдатам», многого знать было по рангу не положено. Кайл не знал того, кто стоит на вершущке пищевой цепи, под чьим именем ходит группировка «Хантеры» (теперь уже без него), лишь однажды он с братом встречался с человеком по фамилии Данэм. Это была вербовка. Их выделили среди молодых банд гетто и взяли под своё крыло.

«Мы очень серьёзные люди».

С их помощью влияние Хантеров выросло, Коул в ус не дул, тем более, взамен они многого не требовали, лишь поддерживать на территории устоявшийся порядок и следить за соседями. Однако Кайл часто думал о том, что рано или поздно они возьмут сполна за свою протекцию. И этот день похоже, настал.

Коул только рад был нарушить шаткий мир между ними и «Лас Кобрас». Девяносто процентов изнасилований в гетто совершали именно головорезы Гарсии. Тогда, десять лет назад, сидя в обнимку в коридоре морга, братья решили, что на их земле не станут насиловать даже захудалую наркоманку, неменяемую настолько, чтобы выйти из дома без трусов. Это было их главное правило, и у Коула дико горело от того, что оно, увы, действует не везде. Сейчас же у него появился

шанс это исправить. Он объявил «Кобрам» войну.

Кайл ведёт преследование, движется перебежками, жмётся спиной к стене из кирпича цвета жухлой травы, понимая, что весь уже в этой жёлтой пыли. Рубашка насквозь мокрая от пота, сквозной ветер треплет её края, оглаживая разгоряченный торс, но приносит не желанную прохладу, а озноб. Перед глазами маячит вывеска «Бар «Приход» и лукавая монашенка с голым задом в стиле пин-ап во всю дверь. «Здесь прощают все грехи», – обещает ему подпись под вывеской. Кайл осторожно берётся за ручку двери, замечая прямо над головой, на обналичнике двери знак. Две перевёрнутые параболы, скрещенные между собой – знак «Лас Кобрас», значит, заведение крышуют они.

Сегодня Хантеры заставили их изрядно побегать, а копы заставили побегать всех. Никто из людей брата не попался, зато парни из «Кобрас» отличились сполна. Кайл уверен был, что один из них шмыгнул в эту дверь, и, если не прошёл сквозь (а это было бы ясно сразу, район с того края плотно оцеплен), то, значит, он всё ещё внутри.

Возле барной стойки девчонка, она сразу же вскидывает над головой руки, не спуская глаз с пистолетного дула, которое взаимно смотрит ей в лицо. Она безоружна, Кайл опускает пистолет.

Рейес так и не сунула свой ствол на место, за резинку штанов, зная, что копы будут шерстить по округе. Она заперла его в сейфе, потому что ей вовсе не нужно было, чтобы по-

лиция перетряхнула ещё до кучи и её. Придётся верить и надеяться, что он ей сегодня не пригодится. Рейес бегло смотрит в лицо патрульного. Она его раньше не видела, наверное, молодняк из выпусков последних лет.

– Мисс? Вы в порядке?

Её тёмные волосы завязаны на макушке в тугой пучок, на ней чёрная майка и рабочий комбинезон в пятнах грязи и краски. Из-под повернутых штанин виднеются тонкие голые ноги, обутые в нелепые резиновые шлепанцы, наверняка предназначенные для уборки. Она не похожа на чистую мексиканку – кожа светлее, разрез глаз выдаёт белых родичей в её крови. Издержки профессии изменили его восприятие – Кайл цепко отмечает детали, не придавая им никакого значения, никакой эмоциональной окраски, запоминая её лицо, словно фоторобот очередного преступника.

– Никого подозрительного не видели?

Она не смотрит в глаза, буравит ему лоб взглядом и смотрит в рот, когда он произносит слова. Зрачки, как блюдца, руки не знает, куда деть, на шее сияют красные следы. Девчонка судорожно вертит головой, одними губами хрипло произносит «нет». Кайл в мгновение улавливает, как она почти неосознанно чуть скашивает глаза в сторону подсобки и всё понимает. И Рейес с ужасом понимает, что он понимает. Ушлый мудака. Эта случайная подстава выйдет ей боком, если латиносу в подсобке не удастся уйти.

Её снова начинает трясти.

– Со мной всё в порядке, сэр, – запоздало отвечает она и делает шаг ему наперерез. – Что-то случилось?

– Позвольте, я проверю, – Кайл кивает на дверь в подсобку: он не спрашивает, а ставит в известность. У Рейес на языке вертится «частная территория» и «не имеете права», но она молчит. Прав здесь не имеет только она.

Патрульный проходит так близко рядом с ней, что едва не задевает плечом – он слишком сосредоточен на двери подсобки, чтобы заметить это, а она успевает прочесть на его значке личный номер и фамилию. «Хантер» кажется ей смутно знакомой. Всё может быть, не самая редкая фамилия.

Из распахнувшейся двери подсобки с грохотом выскакивает ведро, а следом, словно пушечное ядро, вылетает латинос, сбивая патрульного с ног. Кали ныряет за барную стойку и прикрывает руками голову. Стычка с участием легавого в её баре впервые, потому она долго мнётся нажимать или нет кнопку быстрого набора на старом телефоне. Под номером один в нём забит один из бойцов «Кобрас» на случай, если у неё здесь начнётся возня. Она откладывает телефон. Если на территории её бара грохнут копа, за неё возьмутся основательно и можно только представить, каковы будут последствия.

Всё, что ей по силам делать, это наблюдать, как патрульный с яростью уличного головореза пытается не дать мексиканцу уйти. Ему определённно не удастся уйти – Кали не раз была свидетелем подобных побоищ, и может даже делать

ставки – не проиграл.

Кайл вяжет его, давит ему коленом меж лопаток, щёлкает наручниками и перехватывает ноги, чтобы точно не удрал. Латинос лежит лицом вниз, дёргается как червь, мычит, будто его имеют в зад, чёртов выbleдок. Хантер узнал его – эта тварь изнасиловала и убила двух школьниц с их района, а после скрылась на земле «Кобрас», куда ему с братом лезть было тогда не по понятиям. На него даже ориентировка висит в отделе, теперь же он получит своё.

Кровь всё ещё будоражит азарт победы, Кайл скалит зубы и от души бьёт мексиканца под рёбра носком ботинка. Он проводит языком по зубам и чувствует в уголках губ железный привкус, едва ли не затылком ощущает движение сзади и резко поворачивается – из-за барной стойки тихонько выбирается перепуганная мексиканка, не сводя с него взгляда.

С ней ещё предстоит разобраться. Кайл бросает на неё злой взгляд и идёт в уборную. Сплевывает кровь, плещет водой в лицо, говорит по рации напарнику, что взял одного. Он притормаживает на выходе, чтобы расслышать, что задержанный пытается сказать девчонке.

– Сдала меня, сука. Диего тебя по самые гланды натянет.

Он хрипит, после того, как Кайл зажал ему шею в сгибе локтя при задержании, но не сдаётся, сыплет проклятиями на своём родном, потому что злобы в этом мудаке захлебнуться можно. Таких отбитых на улицу нельзя выпускать, сразу давать строгача, не нянькаясь с ним по судам или

высадить ко всем чертям в него обойму, наплевав на всё то, что ему прививали в Академии про справедливый суд.

Иногда в Кайле просыпался точно такой же головорез, который, казалось бы, давно остался в прошлом, и утихомирить его нельзя: только чуть усыпить в тире или в спортзале при участке. И почему-то он вылезает из шкуры прямо сейчас, когда Кайл начинает подозревать, что своим добрым делом подставил другого человека.

– Что мне с вами делать? – Хантер обращается к Рейес, когда напарник выводит задержанного из бара, чтобы усадить в машину.

– Он угрожал мне, – Кали понимает, что патрульный хочет подловить её, понять, скрывала ли она преступника добровольно или вынужденно и врать тут не имеет смысла. Она старается придать голосу твердости, хотя внутри всё узлом сворачивается после того, как чёртов отморозок угрожал ей именем Диего Гарсии.

– Ясно, – его опасения подтверждаются. Несмотря на то, что девчонка отчаянно храбрится, ей страшно. Хантер ощущает укол вины и острую необходимость как-то ей помочь. – Вы здесь работаете?

– Это мой бар. Мне скоро открываться, поэтому... – «проваливайте уже к чёрту» вертится на языке, но Кали давит скупую извиняющуюся улыбку, – если вы тут закончили...

– Простите за неудобства, мэм.

Хантер ещё раз смотрит ей в глаза и не может прочесть в

них ничего – радужка настолько тёмная, что на ней не видно зрачка. У девчонки проблемы, этот факт оспариванию не подлежит – здесь не видно персонала, огромные настенные панно в виде игральные карт и девочек пин-ап облупились и потускнели, значит, проблемы с деньгами, а быть под проекцией «Кобрас» весьма сомнительное счастье – они дерут со своих в три шкуры и срут там, где едят. Садясь за руль патрульной машины, Кайл понимает, что уже принял решение. После смены он навестит её.

3. Логово

Ровно в шесть вечера Кайл сдаёт смену и едет отсыпаться в «Логово» – маленький паб для байкеров, которым владеет его брат – большой любитель винтажных мотоциклов. Машину он оставляет за квартал до места – ему, патрульному полицейскому, в самом сердце криминального района, светиться ни к чему. Несмотря на это, он не хочет возвращаться к себе – в его квартире всё ещё были вещи Риты и она шныряла туда, как к себе домой, хотя уже почти три месяца назад объявила Кайлу, что уходит к другому. Рита словно оставляла себе пути отхода, не собирая свои пожитки подчистую, а Кайл не хотел сам копаться в её вещах, хотя брат с пеной у рта настаивал, чтобы он вынес все её шмотки на помойку. Его съедало чувство вины за то, что так и не научил её, взбалмошную, отвечать за свои поступки, что нянькался с ней, будто она всё ещё неразумное дитя, многое спускал на тормозах, чтобы после получить от неё удар в спину.

Они знали друг друга почти всю жизнь – выросли в одном подъезде, а когда всё это началось, Рите едва исполнилось тринадцать. Рано созревшая, она не давала ему прохода. Кайл относился к ней, как к сестре, но у него не было шанса выстоять перед таким напором. Они начали встречаться, когда ей исполнилось семнадцать, свои отношения они скрывали до её совершеннолетия, несмотря на то, что возраст со-

гласия она уже перешагнула. Мать Риты очень любила его, ведь именно она – их соседка с верхнего этажа – забрала братьев под опеку, после того, как они осиротели. Она говорила, что Рита вся в отца – с придурью, и уравновешенный Кайл для неё лучшая пара.

Чувство ответственности за девчонку, которую он, сам того не желая, приручил, её навязчивое внимание, которое выглядело, как чистая первая любовь и чувство благодарности перед её матерью, заставили его думать, что он делает верный выбор. Разница в шесть лет не была столь существенна, как разница в жизненном опыте, а чистое девичье чувство оказалось очередным капризом. Уход из банды сказался на его доходах, а служба в полиции отнимала уйму времени и сил. Рита хотела развлекаться и жить на широкую ногу, привыкшая, что мать и старшая сестра из кожи вон лезли, чтобы дать ей старт для жизни вне гетто. Кайл – слишком спокойный, слишком заботливый, слишком занятой – оказался для неё скучной компанией.

«Ты даже трахаешь меня, как куклу фарфоровую. Достало!»

«И кто он?»

«Диего. Гарсия, ясно?!»

Она разоралась, понимая что совершила двойное предательство. Решила напасть первой, а не защищаться, ведь изменяла она ему с главой «Лас Кобрас» уже прилично времени, как выяснилось позже. Тогда Кайл просто хлопнул две-

рю и ушёл к брату, ещё не до конца осознавая масштабы дерьма, которого Рита вылила ему на голову.

«Вот же подлая мелкая пизда! Разнообразия захотела! На другом хую попрыгать!»

Тогда Коул метался из угла в угол, как взбесившийся зверь, борясь с желанием вломиться в самое сердце «Коб-рас», закопать Гарсию прямо на его земле, а Риту притащить за волосы домой и сдать матери, чтобы та посадила её под замок.

«Давай больше не будем это обсуждать».

Боль предательства туго заворачивала внутренности узлом, а стыд от того, что он – ничего такой вроде парень – примерил рога, да ещё и от кого, заставлял опускать глаза в пол и шоркаться по углам, лишь бы никому не попадаться. Лишь бы не ощущать на себе эти сочувствующие взгляды, в которых читалось облегчение, что это дерьмо произошло не с ними. Рита провела крепкий хук по его самолюбию. Она знала, кто такой Гарсия, и всё равно предпочла этого выbleядка ему, но Кайл решил засунуть свои эмоции поглубже и со временем переварить всё в себе, взяв с брата обещание никаких санкций к любовникам не применять. В конце концов, Рита уже взрослая девочка, имеет право.

Кайл толкает дверь паба, молча кивает заседающим у стойки парням, смотрит вверх.

– У себя?

– Да. Только не один, – отвечают ему.

– Ага. – Кайл топаёт вверх по лестнице, на второй уровень, где располагались студия Коула и несколько вписок, в которых отдыхали-отсыпались после дела их ребята. Протирая слипающиеся от усталости глаза, он давит вниз ручку и делает нетвердый шаг внутрь, задевая косяк плечом, словно пьяный. Смена выдалась тяжёлой, он едва не уснул за рулём по дороге сюда.

– Вот же ж... блять...

Выражение «не один», кажется, выветрилось из его лексикона. Кайл жалеет, что не постучал. Он вываливается обратно за порог, пытаясь выбросить из головы увиденное, явно не предназначенное для чужих глаз. Коул трахал плотно сбитую блондинку в кружевном лифчике прямо на диване в гостиной, игнорируя перепаханную постель спальни. Член, блестящий от смазки, вторгнулся в узкую щель между больших загорелых ягодиц с бледными полосками от стрингов. Ярко горел верхний свет, и два маленьких камушка пирсинга, вдетого в половые губы девчонки, переливались на нём и невольно притягивали взгляд. Коул держал перед собой телефон на вытянутой руке – кажется, снимал хоум-видео.

– Да стой ты. Мы всё уже. Так, хуйнёй страдаем, – долетает Кайлу в спину, и он тормозит в коридоре, рассеянно водит взглядом по потолку, изредка поглядывая на блондинку, натягивающую на обнажённое, ладное тело платье-чулок.

– Привет, красавчик, хочешь, я и с тобой поиграю? – сладко поёт она, застревая в проходе так близко, что Кайл чув-

ствует тепло её груди и остроту её коленей даже сквозь одежду. На её раскрасневшихся щеках чернеют комки осыпавшейся туши, переливаются на свету блёстки, упавшие с век, а в её абсолютно неосмысленных после секса глазах читается готовность к очередному раунду.

– Благодарю, леди, но, увы, – Кайл строит из себя джентльмена, хотя с такой дамочкой явно вёл бы себя далеко не как джентльмен, с улыбкой подаёт ей забытые на комодке красные трусики в стразах (видимо, в стразах она души не чает) и учтиво, жестом руки напоминает ей, где дверь.

Кайл никогда не делил с братом девушек, даже тех, что годились только на одну ночь, чтобы потом не вляпаться в какой-нибудь треугольник, несмотря на то, что за молнией штанов начинало оживать желание. После Риты у него ничего не было, да и её он радовал редко – поздно возвращался после смен, усталый, как чёрт, а потом спал, как сурок. Может, поэтому она и начала изменять. А может, дело было не в нём, а в ней, точнее в его к ней отношении. Он так и не смог принять тот факт, что «мелкая» давно превратилась в молодую женщину со своими потребностями.

– Где ты ее откопал? – спрашивает Кайл, проводив взглядом плотные, покачивающиеся в такт шагам бёдра, едва прикрытые полоской ткани. Кажется, ничего интересного в ней больше и не было.

Обычно брат брезговал девками, склонными к промискуитету, но, видимо, с недавних пор перестал быть таким раз-

борчивым. Кайл забыл, когда они в последний раз говорили по душам – каждый был слишком занят своим заботами. Они оба изменились, стали старше, злее, борзее, словно никогда не были теми пятнадцатилетними пацанами, которые не знали, как жить дальше.

«Я никогда тебя не сдам, понял? Под пули лягу, но не сдам!»

В тот вечер, когда Кайл получил документы, где чёрным по белому было написано, что он – выпускник-отличник Полицейской Академии, они с братом вусмерть напились. Словно в последний раз. Словно прощались. Он – брат, младший всего на несколько минут, получил билет в лучшее будущее, о котором Коул и не мечтал никогда, просто не видел его для себя. Слишком велика ответственность, которую он взвалил себе на плечи – за свой район, за своих людей, за свои убеждения, и она росла день ото дня.

«Захочешь назад – не вопрос, мы – семья, помнишь? А если кто недоволен будет, нахуй зубы повывиваю!»

Кайл понимал, брату нельзя соскочить, не теперь, когда за Хантерами стоят крупные теньевые фигуры. Выйти из игры он может только героически сдохнув в очередной перестрелке. Как и Кайл – патрульные в гетто мрут пачками. Каждый день мог оказаться последним для любого из них, они понимали это оба. Идеологические разногласия перед этим фактом не имели смысла.

– Да внизу, в баре. Сама подошла.

Густо забитая татуировками кожа натягивается на раскоченных руках, когда Коул надевает майку, до рези в глазах белую по сравнению с яркими, цветными рисунками на его теле. Кажется, он только ноги ещё не трогал, скоро живого места не останется.

– Анаболики жрёшь?

Брат явно стал шире и больше за то время, что они не виделись. Неделя, может две или три – Кайл застрял в круговороте ночных и дневных смен. Шутка «а какой сегодня год?» грозилась перестать казаться такой уж смешной. Никто не обещал, что будет легко, судьба с самого детства не давала обоим послабления, а сейчас нечего и надеяться. «Выплюсь в гробу», – со смехом говорила мать, вставая в полшестого утра после ночной работы, (если, конечно, возвращалась с неё трезвой), чтобы помочь сыновьям собраться в школу, приготовить завтрак, заштопать порванные в бесконечных драках вещи. Кто знал, что её слова сбудутся так скоро.

– Да прям. Просто жру. Масса типа, – Коул сгибает руку, демонстрируя бицепс, бросает в мусорку упаковку из-под куриных грудок и пустую упаковку из-под презервативов. – Я тебя сегодня не ждал. Думал, ты у себя будешь. Парни секли твою квартиру, видели, мелкая вроде забрала шмотки. Два чемодана вынесла. Машину ей эта падаль купила.

Значит, всё у неё на мази. Девчонка давно выросла. Кайл не ощущает ничего, кроме горького чувства разочарования –

всё, что делали для неё мать и сестра, оказалось ей не нужно. Рита предпочла стать содержанкой самого отбитого ублюдка района, вместо того, чтобы получить образование и из этого района выбраться. Что ж, каждому своё.

– Бабу тебе надо. Помятый ты какой-то.

– У тебя один рецепт от всего. Не до чего мне сейчас, – Кайл хватает из рук брата запотевшую бутылку пива, словно заблудший в пустыне – до того доканала жара, откидывается на спинку дивана, игнорируя сладковатый запах женского тела и простеньких, незамысловатых духов – запах секса, рассеянный в воздухе плотной мглой. Брат давит на больное, и Кайл ему даже отчасти завидует. Ни у одного из них никогда не было проблем с женщинами, только у Кайла они теперь появились. Отсутствие времени и эмоциональный раздрей – пора с этим заканчивать, брат прав, иначе совсем выпадет из обоймы и при случае не сможет двух слов связать.

– Я тебя предупреждал. Вообще не понимаю, нахрен тебе вся эта головная боль была?

Коул снова включает заезженную пластинку – видно, что эта скотсткая история с Ритой его беспокоит даже больше, чем Кайла, непосредственного её участника. Такая вот братская забота и очередное серьёзное различие между ними – Кайл предпочитал молча переваривать всё в себе, а Коул без устали, мстительно перемалывал одно и то же, распалая себя злостью.

– Сам не знаю.

Кайл вспоминает вечер, когда лишал её невинности. Нервничали тогда оба. Рита влезла на него сама, решив, что пора, но после сачканула и чуть не пошла на попятный. Тогда инстинкты диктовали свои правила. Он довёл дело до конца, решив, что глупо оставлять девчонку надорванной, а надо было включить верхнюю голову и оставить всё, как есть.

– Мне больше интересно, как много она Гарсии слила.

– Она особо ничего не знала, чтобы что-то сливать.

– Да и насчет работы я тебя предупреждал, будешь без понту горбатиться. Кстати, долю твою я тебе на кредитку кидаю. Проверяешь хоть? – доходы от деятельности группировки «Хантеры» позволяют каждому из парней не заботиться поисками стабильной работы с соцпакетом, налогами и отпуском два раза в год. Это устраивало всех тех, кому обрыдла жизнь в кредит, кто вырос, промышляя мелкими кражами или угоном машин, тем, кто хотел закрепиться на районе, не имея ни малейшего шанса слинять в лучшую жизнь. Коул установил чёткую иерархию и заботился о своих людях, как мог, предоставляя им защиту, крышу над головой и честно разделённый на всех общак. Для Кайла же было принципиально делать всё по-белому, жить, как живут люди внутри закона, а не вне его, иначе, какой тогда во всём этом смысл?

«Хантер говоришь? Фамилия знакомая. Ты по программе для пострадавших от уличных банд? Ты пострадал или ты сам банда?»

– Не надо, обхожусь.

– Да брось, всякое дерьмо в жизни происходит, – отмахивается Коул. – Баблишко лишним не бывает. Или ты брезгуешь, а, святоша? – Это слово, брошенное однажды в сердцах, стало теперь безобидным подколом. Они не знали, что могло произойти, чтобы они по-серьёзному друг на друга взвилась, несмотря на то, что по безбашенной юности могли даже подраться. Один не помнил себя без другого и из любых конфликтов они всегда выходили семьёй, ни один клин не мог вбиться между ними основательно. Брат – единственный человек, которому Кайл мог доверять безусловно.

– Да отвали, – устало хмыкает Кайл, протягивая брату смартфон с фотографией бара «Приход». – Слушай, ты в курсе, что это за забегаловка? Я здесь этого выблядка Суареса задержал.

Кайл уже пробил этот адрес по базе, узнал, что бар принадлежал некому Эмилио Рейесу, сидящему в тюрьме за незаконный игровой бизнес и оборот наркотиков. Бар был опечатан, а после вывоза игрового оборудования и решения всех проблем с налоговой службой, передан в управление его дочери Кали. Она чистая, не привлекалась, училась в бизнес-колледже, но диплома об образовании так и не получила, значит, не доучилась. Адрес её проживания до того, как повязали Рейеса, был бесконечно далёк от гетто. Сухие сводки не дали ничего, кроме того, что попала она в этот вертеп не по своей воле. И Кайл добавил ей ещё проблем, он в этом уже не сомневается.

– Хороший улов, вот у Диегито бомбанет! – Коул явно гордится, что братишка убрал ублюдка с улиц. Всё же быть копом иногда выгодно— для них не существует этих негласных границ, невидимых стен, разделяющих сферы влияния, где ты не можешь действовать, не подняв кровавую волну как последствие твоих действий. Он бегло смотрит на адрес и возвращает ему телефон. – Не был я там, это земля «Кобрас». Хотя ненадолго, – он мстительно улыбается, готовясь рассказать брату о результатах сегодняшней заварухи.

– Нам надо обеспечить транзит по нашей земле, чтобы никаких просадок, потому мы сгоняем мексикашек подальше, чтобы не воняли поблизости.

– Транзит чего? – Кайл напрягается, усаживается на диване ровно, как курсант-первогодка, вытягивается в струнку. Брат суёт голову в пекло, да и не только голову, он там уже по пояс, от этого внутри ворочается тяжёлое предчувствие.

– Не знаю. Оружие, может, наркота, какая разница?

– Наркота? – для обычного патрульного это слишком круто, такое просто так не прикроешь, ФБР своё дело знают, если уж прочухают, то выкрутиться будет практически невозможно. Хреново, когда от тебя ничего не зависит. Остаётся надеяться на того, кто теперь за братом стоит. – Ты на кого работаешь хоть, знаешь?

– Мне похер, и не надо лечить меня – не я это гавно начал, не мне заканчивать, брат, – разводить демагогию о правильности/неправильности поступков, угрызений совести и

множении зла на земле Коул не собирается. Он лишь винтик в давно налаженной системе, и с ним, и без него машина будет работать безукоризненно. Брать лишнее на душу Коул не хочет, крепкий сон по ночам дороже. Всё, что находилось за пределами территории «Хантеров», его не касается. – Главное, что у нас порядок.

– Надолго ли?

– В общем, пробую я тебе адресок, – Коул переводит разговор в другое русло, не то правда не владеет информацией, не то просто не готов ею делиться, как не готов делиться сомнениями. Ведь он же лидер, ему мяться не к лицу. Кайл понимает это и под шкуру брату не лезет, надо будет, поделится сам. – Расскажешь, зачем хоть?

– Позже. Всё позже. – На фоне услышанного история с мексиканкой утрачивает первостепенную важность, и Кайлу уже не хочется говорить об этом вслух. Сначала разберётся сам, тем более, завтра выходной, время будет.

Образ шаловливой блондинки ещё маячит в мозгу, но желание передернуть против желания поспать не имеет силы. Кайл, едва смахнув с себя дорожную пыль и пот в душе, валится на узкую койку за соседней стенкой.

4. По законам стаи

Мать Кали – довольно успешная фотомодел ь восьмидесятих, светловолосая, стройная датчанка, переехавшая в Америку с семьёй ещё в раннем детстве. Она разбавила своей бледнокожестью плотную смуглость Эмилио в их дочери и подарила ей тонкие, почти аристократические черты лица взамен грубо обтёсанн ым чертам чистых латиноамериканцев. От отца Кали получила темно-вишневые глаза и волосы, отливающие коньячным оттенком на солнце. Такой набор позволял ей в возрасте пятнадцати лет подрабатывать моделью – связи матери способствовали этому, однако карьере на этом поприще она делать не стала. Кали поступила в бизнес-колледж, но не доучилась каких-то полгода.

«Я могу прислать тебе только десять тысяч, милая. Лео очень ревнивый, ты знаешь. Он говорит, что это не твой долг, зачем тебе всё это. А платить за какого-то левого мужика, говорит, я не буду».

Мать всегда говорила ей, что Эмилио – удачливый игрок в покер, но о том, что дом на побережье, хорошая машина и огромные деньги, которых стоило её образование, есть результат его деятельности в мексиканском картеле, она уточнять не стала. Подпольный игорный клуб, мошенничество, торговля наркотиками – этот набор впаяли Рейесу в суде, когда тот впал в немилость боссу. Тогда, после объявления

приговора, Гарсия нашёл её и доходчиво объяснил все ошибки её отца, в какую сумму они ему обошлись и что ей нужно делать, чтобы и она, и её семья остались в живых.

«У меня есть пара друзей, готовых хорошо заплатить за такой очаровательный зад. Но придётся хорошо попотеть, двести пятьдесят кусков за раз не отработать».

Мать уехала с любовником в Майами, подальше от всего этого дерьма, Кали продала всё, что имела, но большая часть денег, полученных от продажи машины и дома отошла банку на погашение кредита на них же. Способ, который предложил ей Гарсия, она отвергла сразу, но её приводила в ужас мысль, что он способен просто выкрасть её и продать – Мексика была не за горами и о том, что творится на её границе, не слышал только глухой. С тех пор она носит с собой пистолет. С тех пор выходит из бара и из квартиры расположенной над ним, только, чтобы выкинуть мусор и чтобы доехать до ближайшего супермаркета. С тех пор она без устали вьётся на кухне, в зале, в подсобке, у барной стойки, лишь бы не просрочить очередную выплату.

– Что за хрень ты мне паришь? Я ничего не сделала!

Сквозь скрипящий шорох давно сломанного музыкального автомата доносится визгливый голос Гейл – одной из девочек Раисы. Заевший механизм наконец выдаёт меланхоличный вокал Джимми Мориссона, который тут же теряется в сонме грубого смеха, пьяных разговоров и гроханья стекла пивных бутылок о столы. Зал сегодня полон. Кали выходит

из-за стойки на шум и видит, как Диего Гарсия тащит Гейл под локоть, будто мешок с дерьмом, брезгливо встряхивает по пути и бросает на диван в мягкой вип-зоне, из которой тут же без лишних вопросов разбегаются сидевшие там посетители.

– Мне больно! – рычит Гейл, оглаживая руку с красными следами пальцев Гарсии.

– Пасть закрой. Откроешь, когда я скажу. – Главаря «Коб-рас» окружают его люди, вереницей заходящие в бар следом за ним. Кали насчитывает десять голов. Бросив полотенце на стойку, она выходит в зал и на дрожащих ногах движется к вип-зоне. Сердце учащённо бьётся, во рту сохнет и нечем дышать – появление Гарсии в неурочное время не сулит ничего хорошего. Кали давно перестала ждать чего-то хорошего, втайне молясь Пресвятой Деве, чтобы на её голову не свалилось очередное дерьмо.

Молиться её научил дед Хосе, пастор маленькой церкви в мексиканском квартале, человек невероятно строгих правил, который делал послабления только единственной внучке. Именно ему Эмилио посвятил голозадых монашенок на стенах, и в честь него же дал бару название, тем самым припомнив отцу детство, которое он провёл в синяках за непослушание. После того, как дед узнал об этом, его хватил удар, и Эмилио почувствовал себя отомщённым. Тогда Кали была слишком мала, чтобы оценить иронию его поступка и масштабы его последствий, но молитва о защите намертво

въелась ей в память. Она не была истовой католичкой, но знакомые слова, которые Рейес повторяла по кругу, действовали, как успокоительное.

– Что происходит? – она останавливается у дивана, складывает на груди руки, крепко сама себя обнимает, словно не даёт себе упасть. Поясницу холодит заныканный за поясом штанов ствол, но ей всё равно страшно. Кали ощущает, как сбоку, сзади, спереди толпятся ублюдки «Кобрас», она чувствует, как от них разит потом вперемешку с резким запахом одеколona и гаража, как изо рта ближайшего к ней несёт только что сожранным буррито и кислым сигаретным дымом. Ей кажется, что её сейчас раздавят, до того тесно они трутся возле неё, но Кали знает, они, как псы, не тронут её и пальцем, пока Гарсия не даст команду «фас».

– Наша милая девочка за углом работает себе в карман. А знаешь что это значит? Давай прикинем.

Гарсия начинает загибать пальцы, Кали смотрит на движения его рук и понимает, что начинает глохнуть. Предчувствие новой волны дерьма, которое Гарсия готовится вылить к её порогу, не даёт расслышать ни звука – заунывный «End of the night» потерялся на фоне гула крови в ушах или посетители просто притихли, наблюдая за событиями.

– Мамуля не получит процент, не заплатит его тебе, а ты, получается, не доплатишь мне. Плохая Гейл, правда? Очень плохая, – он грозит пальцем сжавшейся в комок в углу дивана девчонке. – Иди сюда.

Гейл медленно встаёт и не спеша движется в сторону Диего, чуть ссутулившись, словно в ожидании удара. Когда он дважды хлопает себе по бёдрам, приглашая её сесть, Гейл незамедлительно просьбу выполняет. Гарсия звонко хлопает её по оголившемуся бедру, стягивает лямку платья вниз, открывая ей грудь, лезет в трусы, ощупывает, словно проверяет товар на брак.

– Нельзя так вести себя, детка, усекла? Не будешь так больше?

Гейл радостно мотает головой, надеясь, что легко отделалась. Гарсия расстегивает ширинку, кладёт её руку на своё вздыбившееся достоинство, а после достаёт пистолет и кладёт рядом с собой на сиденье.

У Гейл стекленеют от страха глаза, но рука её работает, обтесывая здоровенный, высвободившийся из штанов орган отточенными до автоматизма движениями, Кали и самой до одури страшно и тошно смотреть на всё это. Гарсия, словно получает кайф не от самого процесса, а от того, что на него смотрят, оценивают его размеры, его власть, его лидерство, словно они звери в дикой природе. Здесь почти нет никого, кто был бы похож на человека, но это уже слишком.

– Здесь люди, – цедит сквозь зубы Кали, когда Гейл встаёт на колени и берёт член в рот.

– А я что, говно собачье? Я тоже человек, – смеётся Гарсия, направляясь движения головы проститутки в нужный ритм.

Кали порывается уйти, но плотная стена тел не даёт ей сдвинуться ни на шаг. Она чувствует, как эти тела возбуждены зрелищем и от этого липкий ледяной ужас крадётся вдоль позвоночного столба шажками мелкой дрожи. Гейл заглатывает глубоко и старательно с мастерством настоящего профи, преданно заглядывает Гарсии в глаза, украдкой бросая взгляд на ствол, помогает себе рукой, движется всем телом, как змея, лишь бы угодить – умирать ей совсем не хочется. Кали же хочется самой перерезать себе горло, настолько омерзительна эта сцена.

– Задери платье и трусы спусти, – Гейл притормаживает и не вынимая изо рта члена, смотрит на Гарсию снизу вверх. В её взгляде читается непонимание и страх, но она подчиняется. – Парни, приступайте. Две дырки свободны.

Толпа с одобрительным гулом обтекает Кали с обеих сторон, выстраиваясь в очередь. Она оглядывается назад в бессознательных поисках помощи или поддержки, но зал почти опустел, народ разбежался, испугавшись попасть под раздачу. Остались самые отбитые зрители, которые уже полезли себе в штаны.

– Да ты охренел?! – Гейл вскакивает на ноги и тут же получает тычок в спину.

– Не отвлекайся. Ты же наварилась? Теперь отработывай, – он тянет её за волосы к своему члену, Гейл послушно открывает рот и зажмуривает глаза, когда сзади в неё толкается первый из десяти.

Кали теряет точку опоры, связь с действительностью едва не покидает её, когда она срывается с места, чтобы скрыться в подсобке и не видеть всего этого.

– Стоять! Сядь сюда, побазарим.

Щелчок предохранителя за спиной заставляет Кали врас-ти ногами в пол. Она оборачивается и видит, как Гарсия при-глашающе хлопает по сиденью дивана рядом с собой. Дуло пистолета смотрит ей в лицо и Кали на ватных ногах идёт в сторону блядской вакханалии, стараясь не воспринимать звуки шлепков тела о тело, возни, свистящего дыхания возбужденных ублюдков и мычание Гейл.

– Я вот понять не могу, ты тупая или прикидываешься, а, Кали?

Она внутренне напрягается, хотя, казалось бы, куда больше, потому что не понимает, что именно за этим вопросом стоит.

– Ты зачем вчера нашего копам сдала? Это ведь мой кузен.

Она вспоминает вчерашний день, мысленно посылая проклятия тому патрульному, который провел на её территории задержание. Тогда она даже вообразить не могла, какими будут последствия.

– Слушай, Диего, я не обязана знать всех твоих парней в лицо...

– Узнаешь, когда я тебя по кругу пушу.

Кали не успевает сказать, что она в общем-то пыталась, но легавый оказался шустрее – угроза, вырвавшаяся из гнило-

го рта Диего выбивает из неё дух. Страх и деревянная скованность со скоростью молнии превращаются в злость. Она резко, едва не потянув шею, поворачивает к нему голову.

– Ты этого не сделаешь. Ты знаешь, что будет потом, – её губы, щёки вздрагивают, как у волчицы за шаг до нападения, Кали стискивает зубы и сжимает кулаки, сдерживая за оболочкой кожи, мяса и мышц целую бездну ненависти, грозящую взорвать на куски её, всю шайку «Кобрас» и пару соседних кварталов.

– Я найду твой сраный пистолет и заберу. Оружие не игрушка милым домашним девочкам, – он с плотоядной улыбкой тянет гласные, словно её ненависть ему приносит больше кайфа, чем минет.

«Вместо твоего члена я заглочу этот сраный ствол. Моё бабло тебе нужнее, чем моя смерть, правда?»

Она знает, Диего в курсе, что если кто-то из его парней до нее дотронется, она пустит пулю себе в рот. Когда он впервые полез к ней, Кали приставила дуло к подбородку и нажала на спуск. Ей повезло, что обойма встала не до конца – с оружием она тогда только-только начала разбираться – но Диего она впечатлила. Тогда Гарсия похвалил её за принципиальность и отвалил, но существование меньше ей портить не стал.

Кали слышит, как за стойкой барменша разбивает стакан и тошнит в мусорное ведро, потому что оргия набирает обороты. Кали снова пытается уйти, но Гарсия резко дёргает

её за руку.

– Сиди и смотри. Тебя это тоже ждёт, если не научишься думать башкой? Хочешь так? Тебе же нравится, Гейл?

– Конечно, нравится, она вся мокрая. Да, детка? – кто-то отвечает за неё, перекрывая её безразличные стоны отборным матом и смехом.

Взгляд Гейл давно расплылся и потерял фокус, движения хаотичны и бессознательны, колени стерты в кровь и мокрая она скорее от количества спермы внутри неё – никто из «Кобрас» не думал озаботиться защитой. Гарсия кончает ей в рот и позволяет своим парням забрать её и уложить на диван.

– Мне ведь теперь бабки на залог собирать, Кали. Подставила ты меня, – Диего выжимает с члена остатки спермы и вытирает ладонь прямо об ткань обивки. – Пусть до конца представления сидит, – скомандовал Гарсия своим, поднимая голую задницу с дивана. – И глаза не закрывает. А насчёт залога позже перетрём.

Гарсия уходит, а Рейес сидит, как статуя, переваривая услышанное. Свалка тел на соседнем диване, мускусный запах пота и семени, жар и звон расстегнутых пряжек ремней уходят на задний план перед осознанием того, что «Кобрас» однозначно взвинтит платёж. Это финиш. Катастрофа. Кали продала уже всё, что имела, кроме органов. Доходы от бара имеют свой потолок, а поиск новых источников чреват риском лишиться свободы или вовсе головы, хотя, казалось бы, куда уж больше рисковать, если у неё в подвальном поме-

щении, там где у отца раньше стояли покерные столы, теперь несколько коек «массажного кабинета» Раисы, разделённых фанерными перегородками. Остаётся только гнать дурь или самой сесть за игровой стол, но она всё ещё плавает и в том, и в этом. Бросить бы всё. Собственная жизнь уже давно потеряла для Кали всякий смысл, но у неё всё ещё есть родители, чей срок жизни напрямую зависит от её действий.

Она не знает, сколько уже так сидит – время закручивается вокруг неё скользкой, густой массой, теряет направление, застывает, как смола. Она приходит в себя и дёргается, как от пощечины, когда последний из «Кобрас» бросает почти бессознательное тело Гейл, и, сделав пару шагов, извергает поток семени прямо в сторону Кали. Попадает на одежду, на обувь, даже на лицо – она в омерзении закрывает глаза и сжимает кулаки. Ублюдок закончил – Рейес слышит, как вжикает молния и шуршит ткань одежды. Она открывает глаза, тянется к салфетнице и вытаскивает целую горсть, чтобы после судорожно стирать с себя тягучие следы чужой похоти.

– А я ведь всё на тебя смотрю. Кали. Типа богиня, да? – он всё ещё стоит над ней, бритый мексиканец с татуированным затылком, а Кали смотрит на него снизу вверх бешеным взглядом затравленной хищницы – ослабевшей, но всё ещё злой.

– Надо же, я думала ты, кроме алфавита, ничего не читал, – едва шипит она ему в ответ, понимая, что потеряла

ГОЛОС.

– Ещё увидимся, богиня, – он сально скалится и уходит. Кали понимает, что в баре больше никого не осталось. В разгар рабочего вечера у неё нет ни одного посетителя.

Движение напротив привлекает её внимание – надо же, Кали совсем забыла про Гейл. Проститутка, отчаянно воюя с непослушным телом, хватается за сиденье, поднимается на ноги и плюхается мешком на диван.

– Ты ни хрена не сделала, – смачно отхаркиваясь прямо на пол, заявляет Гейл. В её глазах вызов, злость и остатки пережитого ею безумия. Она, с красным натруженным ртом, в порванном платье, с раскинутыми ногами, в следах крови от разрывов и в багровых отметилах чужих ладоней, выглядит самодовольно, словно только что принесла кровавую жертву или наоборот, получила извращенное удовольствие, а может, просто заставляет себя так думать, иначе поедет головой.

– Умоляю, не садись голой жопой на диван, – потирая запавшие от вечного недосыпа глаза, просит Кали, намереваясь, наконец, уйти и просто где-нибудь прилечь хотя бы на пять минут, потому что надо будет сразу же разобраться с наблевавшей барменшей, которая, наверное, уже наклюкалась от шока, а после выдраить всю мягкую зону, помыться, постирать свои шмотки и так далее, уже мозги болят думать.

– Ты ни хрена не сделала, сука, – рычит Гейл, собирая ноги и подаваясь вперёд всем телом, словно хочет напасть, если бы у неё оставались на то силы.

– Я должна была рядом с тобой раком встать?! – Кали от чего-то не чувствует ни жалости, ни сострадания, хочется расквасить Гейл лицо, сломать её надвое, вышвырнуть из бара и никогда больше не видеть. Эта злость, копившаяся в ней долгие месяцы, вдруг получает направление – Гейл теперь будет живым напоминанием той дерьмовой жизни, по правилам которой Кали теперь приходится играть, и Кали её за это ненавидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.